

МАРИНА КИСТЯЕВА

Слез
океана

Марина Кистяева

Слеза океана

«Кистяева Марина»

2018

Кистяева М. А.

Слеза океана / М. А. Кистяева — «Кистяева Марина», 2018

«Лето обещало быть жарким... Ирина Акимчева радовалась наступившему теплу и долгим светлым ночам. Да и как не радоваться, если тебе восемнадцать лет, тебя только что приняли на работу в детский сад, и ты живешь в лучшем городе мира?..»

Содержание

Книга первая	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Марина Кистяева

Слеза океана

Книга первая

Глава 1

Советский Союз, 1950 г.

Лето обещало быть жарким...

Ирина Акимчева радовалась наступившему теплу и долгим светлым ночам. Да и как не радоваться, если тебе восемнадцать лет, тебя только что приняли на работу в детский сад, и ты живешь в лучшем городе мира?

Ирина шла по московским улочкам и улыбалась прохожим. Настроение было великолепным. Она мысленно представила, как мама обрадуется новости, что Ирину приняли на работу. Две недели назад она ещё была выпускницей школы, а теперь, подумать только, она взрослый человек, начинающий трудовую деятельность.

Многие одноклассники Иры решили поступать в техникумы и вузы, но она сразу категорически отказалась от такой перспективы. Уже в девятом классе она твердо для себя решила, что хочет работать в детском саду. Ей всегда нравились дети, эти забавные маленькие карпузы. И Ирина очень сильно рассчитывала, что в скором времени и у неё появится ребеночек.

А что? Всё может быть... Разве Олег в последнее время не намекал, что ему пора обзаводиться семьей, как-никак отслужил в армии, полгода уже работает на заводе, начальство им довольно, всё складывается, как он и планировал.

Ирина улыбнулась. Олег Каштанов ей нравился всегда. Они учились в одной школе, жили в соседних домах, и были знакомы целую вечность. Высокий, темноволосый, он производил впечатление надежного человека.

Именно такой ей и нужен был.

Она не могла сказать, что безумно влюблена в него. Нет, ничего подобного Ирина не испытывала, она вообще не верила в любовь, считала её выдумкой поэтов и романтиков. Будучи человеком практичным, она полагалась на собственный разум. Любовь – это для тех девочек, кто может себе позволить высокие чувства.

А её, извините, от этого отучили...

Ну, вот, она снова взялась за старое. Сколько раз она себя ругала и говорила, что всё осталось в прошлом, что ей следует забыть раз и навсегда? Теперь другое время.

Настроение испортилось. Возможно, другие и готовы были забыть о том, что было много лет назад, но готова ли она сама?...

В годы войны её мать занималась проституцией.

Да, да, Ирина знала, что девушке её возраста не положено знать не то, что это слово, ей не положено знать вообще о таких вещах. Но Ирина знала. И знала очень хорошо.

Ей объяснили, да так, что она это уяснила намного прочнее, чем все науки, преподаваемые в школе.

Ирина рано осталась без отца. Ей было шесть лет, когда в их небольшую комнатку в общежитии без стука вошёл дядя Вася, молодой мужик с соседней площадке. Они вместе с отцом работали на стройке.

Катерина, мать маленькой Ирочки, сидела около окна и штопала платье дочери, которое та умудрилась порвать во дворе, играя с мальчишками. Она удивлялась и раздраженно качала головой, когда видела, что дочь никак не желает играть в тряпичные куклы с другими девочками-ровесницами, а трется поблизости с мальчишками.

– Это оттого, что ты хотел сына. Посмотри на свою дочь. Что из неё получится? – упрекала Катя мужа. – Она же только вчера подралась с Ванькой Штыровым. Ты знаешь, что его мать мне устроила? Настоящий скандал! Как она кричала, было слышно на соседней улице.

Николай, утирая густые черные усы, которыми он в тайне очень гордился, и считал, что они ему придают мужественный вид, довольно ухмыльнулся.

– А ты что?

– Что я? Что?... Конечно, стала защищать твоё чадо. В следующий раз будешь сам разбираться с разгневанными мамами! Мне надоело! Ты бы лучше, чем резаться в карты у подъезда, занялся воспитанием дочери!

– Ну, и займись, – с той же неохотой ответил Николай и поднялся из-за стола, где ел суп.

Ирина сидела рядышком, притихшая. Она боялась отца, хотя тот, в отличие от мамы, никогда её не наказывал: ни ставил в угол, ни бил ремнем. Так, потреплет по голове, вздохматит непослушные пряди и скажет:

– Доча, не надо так делать. Это плохо.

А как делать «не надо» объяснить забудет.

Вот Ирина и поступала по-прежнему....

А теперь дядя Вася, угрюмый, зашел в их комнату и замер в дверном проеме. В руках он мял грязную кепку, с которой редко когда расставался. Вид у него был каким-то жалким и потерянным. Это было немного смешно, потому что дядя Вася был в представлении Ирины настоящим богатырем. Огромного роста, со шкафом, никак не меньше, лохматый, не чесанный, он наводил ужас на всех мальчишек во дворе. Это ей по секрету сказал Санька. А Саньке она верила, как самой себе.

– Кать, ты дома, да?... – вместо приветствия пробурчал он.

Катерина подняла голову и усмехнулась.

– Конечно, дома, а где мне ещё быть? Ты что, сам не видишь? Вроде не пьяный....

– И Иришка дома, – точно не замечая слов Кати, продолжил он.

Тут Катя выпрямила спину и уже более внимательно посмотрела на соседа. Что-то было в нем сегодня другое, то, чего она раньше никогда не замечала. И это что-то не понравилось Кате.

Рабочий день не закончился ещё, а Васька уже шляется по общежитию. И в гости к ней нагрязнул, когда мужа нет. Уж не свататься ли явился. Ничего, ничего, она быстро отошлет лихого ухажера, не посмотрит, что детина вымахал под потолок.

Катерина была бабой красивой, видной, на неё постоянно мужики заглядывались. Николай частенько ей говорил, а особенно в последнее время:

– Ты, Катька, баба у меня видная.... Ох, какая.... Смотри, что узнаю, башку оторву разом.... Не посмотрю, что дочь малявка ещё....

Она смеялась и крепче прижималась к мужу.

– Никак ревнуешь, а, Николай? Ревнуешь.... Да никто, кроме тебя, дурака, мне не нужен....

Она отложила в сторону недоштопанное платье Ирки и поднялась со стула. Приветливая улыбка исчезла с её лица.

– И Иришка тоже дома. А тебе-то что до этого, а, Василий?

– Я это..., – Штыров замялся, переминаясь с одной ноги на другую. – Я хотел того... сказать.... Тьфу ты, в общем, Колька... он....

Катя подбоченилась.

– Иди-ка, Вася, ты домой, и забудь дорогу сюда без Николая. Поняла я тебя и поняла хорошо. На первый раз ничего не буду говорить ни твоей, ни Коле. Но хоть раз ещё что-то замечу, непременно Коле пожалуюсь. Ишь чего выдумал, шляться к нам, пока дома мужика нет.

В глазах незваного гостя промелькнула тень.

– Не пожалуешься ты Кошке, – внезапно зло выпалил он.

– Чего?! – разгневанно воскликнула Катя.

Ирина, игравшая в уголке, встрепенулась и с любопытством посмотрела на взрослых. Снова кричат. И мама недовольная. И дядя Вася не уходит, а мама же сказала, что бы он ушел?

– Нет больше Николая. Стропила была закреплена плохо, вот он....

Ирина видела, как побледнела, пошатнулась мама, а потом страшно, дико закричала....

Что произошло в тот роковой для их семьи день, девочка поняла значительно позже. К ним стали приходиться какие-то люди, многих из них она знала, кого-то видела впервые. Мама непрерывно плакала, тетя Глаша и тетя Валя, две толстые тетки, соседки по площадке, успокаивали её, но та не желала приходить в себя. Её Коленька, её кормилец, её разлюбленный муженек покинул свет Божий, оставил её одну-одинешеньку....

Катерина не замечала происходившего вокруг.

Ирина жалась по углам, кусая губы. До шестилетней девочки никому не было дела. Лишь иногда какие-то тетки прижимали её к своим потным телам и говорили почти всегда одну и ту же фразу:

– Сиротинушка ты наша.... Ну, ничего, ничего, всё образумится....

Приехала из Подмосковья бабушка. И именно она объяснила ребенку, что не придет больше папка с работы, не подкинёт её под потолок, не поймает, смеясь, не защекотит колючими усами по её голенькому животику.

Ирина засунула указательный пальчик в рот и не поверила. Бабушка что-то перепутала. Она старенькая, вот и не поняла.

А тот дяденька в большом прямоугольном ящике, который они все, взрослые, называют гробом вовсе не её папка. Её папка был красивым, с лучшими в мире усами, а у этого лицо покрыто марлей. Фу....

Ирина ждала долго. Каждый вечер она с надеждой всматривалась в проём двери, уверенная, что та вот-вот откроется и войдет её любимый папка, что мама улыбнется при виде его высокой фигуры.

Дверь отворялась. Но в неё входили кто угодно, но только не Николай.

Однажды, прошло больше месяца с похорон Николай, Катя грубо схватила Ирину за руку и жестко сказала:

– Хватит. Нечего сутками пялится на дверь. Не трави душу. Без тебя тошно. Умер твой папа. Умер!!! Понимаешь, ты, бестолочь?! Да заплачь ты что ли! – и Катерина принялась трясти дочь за худенькие плечики.

А та, морщась от боли, пыталась вырваться из цепких рук матери. Внезапно Катя перестала трясти дочь, и с тихим плачем опустилась на пол, прижимая маленькое тельце дочери к себе.

– Ириночка, деточка ты моя.... Прости, прости меня.... Одна ты у меня осталась.... Никому тебя не отдам.... Никому, слышишь?!

И в тот момент, когда рыдающая мать прижимала её к себе, Ирина догадалась, что бабушка не соврала, сказала правду. Вцепившись пальчиками-палочками в черное платье матери, она отвернула голову от двери.

Постепенно их жизнь приходила в норму. Екатерина устроилась работать на швейную фабрику, Ирина пошла в школу. Но мужчины в их жизни не было.

За Катей пытались ухаживать, кто-то не навязчиво и робко, кто-то открыто и притязательно. Только для всех у неё был уготовлен один ответ: «Я занята. У меня нет времени. Мне дочь растить надо». И постепенно ухажеров поубавилось.

Ирина нехватку мужского общества компенсировала по-своему. Если раньше она и водилась с некоторыми девочками, то, пойдя в школу, она старательно исключала их из круга общения. Только мальчики. Для того, чтобы окончательно стать «своей» среди пацанов она научилась всех быстрее бегать в классе, отлично плавать и выбивать из рогатки десять из десяти. Если Катя и была в душе против такой дружбы дочери, то по первости молчала. А потом необходимость что-либо говорить пропала сама собой.

В их дворе появился Толька Окошев. Они переехали в Москву из небольшого городка Кузнецка, Пензенской области. Его отец, офицер НКВД пошел на повышение, получил в Москве однокомнатную квартиру, и как раз в соседнем доме с общежитием Ирины. Толька был старше Ирины на шесть лет, совсем взрослый мальчишка. И этому мальчишке совсем не понравилось, что с ребятами бегают девочка.

– А что эта малявка здесь делает? – чинно спросил он и характерно сплюнул через щель в передних зубах. – Вы чё бабы, чтобы в своей компании девчонок держать, а?

Ирина попыталась возразить, но Толька быстро нагнулся и поднял с земли большой камень.

– А, ну, пшла отсюда, пока не вдарил! – пригрозил он.

Ирина собиралась ввязаться в драку. Ей не привыкать. Она посмотрела на своих вчерашних товарищей, ища поддержки, но те стояли, кто старательно ковырял носком кед рыхлую землю, кто открыто смеялся, а кто вообще шатался в стороне.

Ей дали понять, что она лишняя.

И она ушла.

В ту ночь Ирина вцепившись в подушку зубами, обиженно растирая слезы по неумытому лицу, пообещала вырасти потрясающей красавицей, всем на зависть, и влюбить в себя Тольку Окошева. Чтобы он пришёл к ней свататься, а она вот так же высмеяла бы его. Ирина заснула, представляя забавную картину, нарисованную детским воображением.

Если бы в те годы она могла предвидеть, к каким последствиям приведет осуществление её глупой детской фантазии...

Но вскоре перекидной календарь остановил страничку на дате 22 июня 1941 года. И голос Левитана, врезавшийся в память миллионам советских граждан, объявил, что германские войска пересекли границу Советского Союза.

Началась война.

Никто не сомневался, что война долго не продлится, что советские войска с триумфом одержат быструю победу над фашистскими захватчиками. Мужчины уходили на фронт...

Мальчишки во дворе тоже собирались идти «громить проклятую немчуру», правда, перед этим им надо было немного подрасти.

Осенний вечер 43-го ничем не отличался от других таких же холодных вечеров. Ирина, кутаясь в старенькое пальтишко возвращалась домой. От голода кружилась голова. Ужасно хотелось есть. А есть было нечего. В их семье, как и во многих других поселился надежный квартирант – Голод.

Моросил дождь, и Ирина спешила скорее добраться до родного подъезда. Пусть в их комнатухе и отсутствовало отопление, но, по крайней мере, стены надежно укрывали от промозглого ветра, который захлестывал со всех сторон.

Темнело. Около их подъезда фонарь не горел, местная шпана разбила лампочку ещё на прошлой неделе и никто не удосужился вкрутить новую. У всех были свои, более насущные проблемы. И поэтому, когда вход в подъезд загородила большая фигура, девочка испуганно вскрикнула и сжалась в комочек.

– Ты чего кричишь, – тотчас послышался грубый бас. – Не узнала что ли?

О, этот голос Ирина не перепутает ни с чьим... Он ей в кошмарных снах снится.

– Узнала, – недружелюбно ответила она. – Не надо пугать, вот и кричать не буду.

Толя Окошев шагнул вперед, и теперь возвышался над Ириной, точно башня. За последние годы он вытянулся, возмужал. Ирина быстро прикинула в уме: да, ему семнадцать годков исполнилось, совсем взрослый детина.

– Если напугал, извини, – буркнул он и внезапно улыбнулся. А у Ирины от его улыбки подкосились ноги. Если бы завтра объявили, что ненавистный Гитлер вывалился из собственного окна, она бы удивилась меньше.

За те годы, что Окошевы жили в их дворе, она впервые видела улыбку на физиономии Тольки. Окошев-младший всегда ходил угрюмый, недружелюбный, норовил поддеть ногой пробегающего мимо котенка или бездомную псину, даже бабушки-старушки неодобрительно качали головой ему вслед. Ирина слышала, что многие не прочь были бы пожаловаться на него, но боялись. Боялись его отца, такого же мрачного и ещё более недружелюбного офицера НКВД.

И поэтому Ирина, увидев его кривую улыбку, внутренне сжалась и приготовилась к самому худшему. Что не этот раз придумал Толька? Она давно не водилась с их компанией, а он никак не угомониться, всё продолжал посылать ей в спину издевательские смешки и прозвища.

– Да ладно, – нахмурившись, сказала Ирина и хотела пройти, но мальчишка перегородил дорогу. – Ты чего?... Дай пройти.

– Не дам. Я специально тебя стою, жду.

Ирина вскинула голову.

– Это ещё зачем?

– Затем, – грубо ответил Анатолий и сложил ручища на груди. – Может, я попрощаться пришёл?

Ирина посмотрела на него, как на сумасшедшего.

– Ты? Попрощаться?

– Ну, да. Я на фронт ухожу.

Последнюю фразу он сказал не без гордости, а в голове девочки пронеслась целая вереница мыслей.

Внезапно она толкнула его в грудь и зло выкрикнула:

– Ну, и вали! Скатертью дорожка!

Пока мальчишка приходил в себя от удивления, она, согнувшись, проскочила мимо него и понеслась по лестнице, перепрыгивая через ступеньку. Она боялась, что Толька погонится за ней. Если поймает, то тогда накостыляет так, что небо с овчинку покажется.

Но нет, кажется, всё тихо. Около двери Ирина перевела дыхание, в прихожей было тихо. Соседка тетя Глаша гремела пустыми кастрюлями на общей кухне, желудок девочки тотчас отозвался на знакомые звуки и громко заурчал.

Она протопала к их комнате, разулась, оставив промокшие ботинки около двери. Слышались голоса, Ирина удивилась: кто к ним мог пожаловать? Девочка забыла, когда у них в последний раз были гости. Если только соседки захаживали на ночные посиделки, перераставшие в бесконечное жалование на житие-бытие.

Мама была не одна. За небольшим столом, стоявшим в углу, сидел молодой мужчина в военной форме. Мама сидела на единственной кровати, откинувшись на стену, и неестественно смеялась.

Ирина замерла в дверном проеме, не зная, что делать дальше. На улице стемнело, а у них в комнате находится посторонний человек. И мама... Разве прилично сидеть перед незнакомым мужчиной в одной нижней сорочке?

– Здрасти, – пробубнила девочка и бросила на Катерину взгляд из-под нахмуренных бровей.

Наконец, женщина заметила, что в комнате они больше не одни, и её губы растянулись в улыбке.

– О, Ирочка, дочурка, ты уже пришла? Иди сюда, моя хорошая, поцелуй мамочку.

Ирина не спешила подходить к матери. Только сейчас она заметила, что на столе перед мужчиной стоит бутылка с мутной беловатой жидкостью, ломоть хлеба и, о, Боже, сало! Маленькие кусочки, нарезанные тоненько-тоненько. Но нарезанные! Во рту неожиданно много образовалось слюны, и Ирина поспешила её сглотнуть.

– Эта твоя дочь, да? – молодой лейтенант поднял голову и прищурил глаза. Он изрядно выпил и с трудом соображал. – Взрослая.

Он сделал попытку подняться со стула, пошатнулся и снова плюхнулся назад.

Зато в глазах у Кати прояснилась, и она бросила в сторону военного настороженный взгляд. Не надо, чтобы дочь видела её позора.

Она, пошатываясь, поднялась с кровати и подошла к столу. Лейтенант по-хозяйски положил руку ей на крутое бедро, но она брезгливо отбросила её в сторону.

– Ты чего? – заплетающимся голосом спросил он.

– Ничего, – Катя отрезала толстый ломоть хлеба и щедро наложила на него кусочки сала. Потом подошла к Ирине, которая по-прежнему стояла в дверях: – На, держи. Иди, погуляй где-нибудь. Не шатайся здесь.

Ирина переводила взгляд с протянутой руки матери с едой на её безразличное лицо. Победил голод.

– На улице дождь. И холодно, – промямлила Ирина, впиваясь крепкими зубами в бутерброд.

– Я сказала, иди, погуляй! Ты что, оглохла и плохо меня понимаешь? – от матери пахло алкоголем.

Ирина поморщилась и выбежала из комнаты. В глазах защипало от слез. Зачем мама с ней так? Она бы тихо посидела в комнате, никому не мешая.

Надевая мокрые ботинки, Ирина с ужасом вспомнила, что около подъезда, возможно, по-прежнему ошивается Толька. Нет, она лучше где-нибудь здесь посидит. Ирина поднялась на чердак, трепетно прижимая к груди хлеб с салом и внимательно следя за тем, чтобы ни один кусочек не упал на холодный дощатый пол. Мыши зевать не будут, моментально подберут.

Чердак был пуст. Ни старых ящиков, ни картона. Ничего такого, что помогло бы согреться. Ирина села прямо на грязный, загаженный мышами пол, доела бутерброд и обхватила руками колени.

Из головы не выходил тот странный мужчина. И мама в нижнем белье.

Тогда, в тот далекий день, Ирина не подозревала, что молоденький лейтенант, госпитализированный в Москве, и случайно натолкнувшийся в метро на её мать, послужит началом бесконечной веренице мужчин, приходящих к ним в малогабаритную комнатушку.

Зато у них теперь всегда был хлеб, сахар, чай и сало.

Ирину не всегда отправляли из комнаты. Наступила зима, ударили морозы. Катя ширмой перегородила комнату, выделив девочке небольшой уголок.

– Сиди здесь тихо, – однажды сказала мама. – И не высовывайся, чтобы ты не услышала. Поняла меня?

– Да, мама.

Первые вечера Ирина послушно сидела в своём уголке, настороженно прислушиваясь к тем звукам, что доносились из-за перегородки. Смех, разговоры, приглушенный хохот – это она могла понять. Затем смех переходил в мужское сопение и мамины стоны.

Однажды мама так сильно застонала, почти закричала, что Ирина испугалась и выбежала из своего убежища. Девочка застыла посреди комнаты, когда увидела непонятную картину. Мама лежала на кровати с широко раскинутыми ногами, а между ними находился совершенно

голый мужчина, и его ягодицы ритмично сжимались. Первым желанием Ирины было подбежать к мужчине и помочь маме избавиться от него. Она так и собиралась сделать, когда Катерина подалась вперед, обхватила своими ногами ягодицы мужчины, вся прильнула к нему, на какое-то мгновение её глаза приоткрылись, и она увидела, что за ними наблюдает дочь. Её маленькая одиннадцатилетняя дочь.

И Катя сделала единственный правильный, как она думала, на тот момент поступок: она махнула рукой, прогоняя Ирину, веля ей снова уйти за ширму.

Больше Ирина никогда не выходила, если у них в квартире были чужие дяди.

Она заметила, что у мамы испортились отношения с соседями. Те больше не приходили к ним в гости, а когда они с мамой проходили мимо, или были на кухне, то делали вид, что их нет, что они пустое место.

Как-то раз Ирина зашла на кухню за водой, там находились тетя Глаша и ещё одна незнакомая женщина. Они громко, не стесняясь в выражениях, обсуждали Катерину.

Незнакомая женщина первой заметила молчаливую Ирину и толкнула локтем тетю Глашу.

– Тише ты, – прошипела она и мотнула головой в сторону девочки.

– А почему я должна молчать? – тетя Глаша вызывающе посмотрела на ребенка поросычьи глазами и подбоченилась. – Пусть знает, чем занимается её мать! Пусть знает, что она дочь проститутки! Что её мать продает своё тело!

– Вы врете, вы всё врете! – зло выкрикнула Ирина, в глазах защипали слезы. Почему эти женщины говорят о маме гадости? Она им ничего плохого не сделала!

На шум и крик прибежала Катерина. Окинув быстрым взглядом полупьяных соседок, она прижала к себе Ирину.

– Что здесь происходит?

– Да вот думаем, что с тобой делать! – Глаша не желала успокаиваться. Она не потерпит рядом с собой шлюху! – Решаем, куда нам, честным женщинам, обращаться в поисках защиты! Развела здесь бордашный дом! Но ничего, мы найдем на тебя управу!

Катя покачала головой и увела Ирину в комнату.

А на следующую ночь к ним пришел отец Толи, Окошев Геннадий. И остался на ночь. Больше тетя Глаша ничего не говорила.

Глава 2

Матери дома не было, она ещё не вернулась из института. На швейной фабрике Катерина не работала со времен войны, товарки не потерпели рядом с собой женщину, которая не стеснялась приводить в свой дом чужих мужчин, возможно, их мужей, сыновей. Поэтому Кате пришлось уйти. Один из любовников походатайствовал перед высшим начальством, и Екатерину приняли работать секретарем в мединститут. Та работой была довольна. Она предлагала Ирине поступать в институт, но дочь категорически отказалась. Она не могла переносить вида и запаха крови. Её сразу же тошнило. Возможно, какое-то время спустя она и подумает о поступлении в институт, но не сейчас.

Ирина приготовила ужин и прибралась в комнате. Дождалась матери. Катя вернулась с работы уставшей и недовольной, но на расспросы дочери отвечала молчанием. Хотя Ирина и стала взрослой девушкой, Катя по-прежнему старалась отгораживать её от жестокой реальности жизни.

Сегодня у них целый день по институту шныряли офицеры МВД. После войны НКВД реорганизовали и переименовали в МВД, но суть рода деятельности изменилась мало. Люди по-прежнему боялись черных машин-«воронок», и не улыбочивых офицеров, которых приходили в квартиры соседей и знакомых ночью, после чего люди бесследно исчезали. В институте были арестованы два профессора-химика, которые трудились в научных лабораториях. При воспоминании у Кати до сих пор мурашки по коже бегали.

Поэтому Ирина никак не могла понять, почему сегодня мама не желала её отпустить в кино с Олегом Каштановым. Они ещё на прошлой неделе договорились сходить в кино, и Ирина с нетерпением ждала вечера.

– Я бы хотела, чтобы ты сегодня осталась дома, – упрямо твердила Катя.

А Ирина, принарядившись в новенькое ситцевое платье, не желала слушать мать.

– Но почему, мам? Мы договорились с Олегом! Или тебе Олег перестал нравиться? Хороший парень, ты же всегда говорила...

Катя покачала головой. Ну, как, скажите на милость, как объяснить дочери, что сегодня у неё на душе кошки скребут, что плохие предчувствия не оставляют её?

– Да, хороший, – согласилась Катерина и внезапно сдалась. – Ладно, иди, только не долго.

– Конечно, конечно, мамочка, – Ирина в порыве радости обняла мать и упорхнула из комнаты.

Олег ждал её у подъезда. И Ирина ещё раз подумала, что ей повезло. Да, с Олегом она может быть спокойна за своё будущее.

Фильм оказался не интересным, но уходить с половина сеанса они постеснялись, и остаток вечера тихо проболтали. Ирина поделилась радостной новостью, что её приняли работать нянечкой в детский садик, а Олег пожаловался на несговорчивого мастера.

Домой они возвращались около десяти вечера, сумерки только-только начинали опускаться на город. Погода стояла чудесная, вечер был теплый, спала дневная жара. Расставаться не хотелось, но Ирина знала, что мама ждет её, не спит. А утром той на работу.

Они, робко держась за руки, подходили к общежитию, когда Олег, волнуясь, сказал:

– Иришка, я бы хотел с тобой поговорить.

Она сразу уловила изменения в его голосе.

– По-моему, мы с тобой болтаем целый вечер.

– Да, ну тебя! Я серьезно, а тебе всё хи-хи да ха-ха! Нам надо поговорить.

Ирина прикусила от нетерпения губы. Ну, наконец-то, решился! Глядишь, ещё недельки две, и она начала бы нервничать.

– Хорошо, я тебя слушаю. Что ты хочешь сказать?

– А ты не догадываешься?

– Конечно, нет! С чего бы это!

Олег шумно вздохнул, а у Ирины в голове промелькнула мысль, что он, наверняка, ночью храпит.

– Давай присядем на лавочку, – предложил Олег, и они уже хотели направиться к скамейке, когда им дорогу перегородила черная машина.

Такая знакомая. Именно эта, и подобная ей каждый день спешили по Арбату, в главный центр народной инквизиции.

Ирина сглотнула, и внезапно её охватил непонятный приступ страха. Она замерла и с шумно бьющимся в груди сердцем, наблюдала, как машина притормозила около их подъезда, как толстая дверь, символ чего-то грозного и не рушимого, распахнулась прямо перед её носом, и оттуда, из темноты салона показалась высокая фигура в форме. Ирина невольно отступила, сделала шаг назад, когда прямо перед ней вырос офицер МВД.

Молодой, подтянутый, он пристально смотрел на девушку.

– Привет, вот так встреча, – офицер смотрел в лицо девушки, намеренно игнорируя рядом стоящего Олега. – А ты выросла, Ирина.

– Толя? – не веря своим глазам, выдохнула Ирина. – Толя Окошев?

Её всегдашний противник, бывший дворовый хулиган превратился в взрослого, серьезного мужчину. И олицетворял власть.

Порой Судьба, капризная барышня, является человеку в самых неожиданных лицах. Даже забытых.

Ирина влетела в комнату, как маленький ураган.

– Мама?! – её крик замер на губах.

Катя стояла около окна в ночной рубашке и смотрела на ночную Москву.

– Ты что так кричишь? – Катерина пыталась не показать дочери вязкого страха, который овладел ей, как только она увидела, что во двор въехала черная «воронка».

– Я...я..., – Ирина растерялась, и в первое мгновение не нашлась, что сказать. – Куда они поднялись?

– Кто?

– Они. Мама, когда ты перестанешь меня считать маленькой! Я все прекрасно понимаю! И ты видела, что я разговаривала с этим... лейтенантом! Это Толя Окошев, помнишь такого?

Конечно, Катя помнила, и помнила прекрасно. Не столько противного, вечно хмурого и враждебно настроенного мальчишку, сколько его отца. Садиста, который оставил на её теле множество синяков и кровоподтеков. После ночи любви с ним она неделю не могла передвигаться без боли. И как таких земля носит?

– Если ты спрашиваешь, куда они поднялись, то я не знаю. Но на наш этаж они не поднимались.

Ирина вздохнула с облегчением и слабо улыбнулась.

– А я испугалась, глупая. Сама не пойму почему. И Только я не ожидала увидеть. Он когда вышел из машины, я его и не узнала сначала. Считай, сколько? Да, лет семь мы с ним не виделись. Я совсем пичугой была, когда он на фронт ушел. Надо же, ведь ему восемнадцати тогда не было. А взяли. Пошёл добровольцем. А теперь смотри-ка, в МВД служит....

Ирина тараторила и тараторила, пытаясь за словами скрыть растерянность. Она бросилась вслед офицерам, даже не попрощалась с Олегом. Тот остался стоять около пустого подъезда.

– Умывайся, и ложись спать, – негромко пробормотала Катерина, и поймала себя на том, что продолжает прислушиваться к шорохам за дверью.

Ей казалось, что вот-вот, сейчас, мгновение спустя, послышатся тяжелые шаги армейских сапог и в дверь требовательно ударит мужицкий кулак.

Мы сами, порой, пророчим себе будущее, не подозревая об этом.

Олег обиделся и не желал разговаривать с Ириной. Ну, и не больно надо. Она знала, что долго он дуться не сможет, придет, как миленький. А ей скучать было некогда. Надо было собрать документы, пройти медосмотр в больнице. Все её мысли были заняты предстоящей работой в детсаде, и она забыла о неприятной инциденте с правоохранительными органами.

А зря.

Тогда бы она не была удивлена, когда дорогу домой ей перегородила высокая фигура в форме. Как и много лет назад Ирина испуганно вскрикнула и отшатнулась.

– Толя?! – невольно вырвалось у неё. – Ты? Что ж, ты пугаешь-то меня? Причем, заметь, постоянно.

Она улыбнулась и кокетливо склонила голову набок. Уж теперь-то она точно знала, что он поджидал её. Она ещё вчера заметила его праздно шатающуюся фигуру, но и помыслить не могла, что это по её душу.

– Значит, помнишь? – его тонкие, треснувшиеся губы растянулись в улыбке.

«А он ничего», – подумала Ирина. Да, да, если присмотреться повнимательнее и отбросить прочь детские предрассудки, то перед ней стоял симпатичный молодой мужчина двадцати шести лет. Поперек левого виска тянулся зигзагообразный шрам, но он не портил мужественного лица. И глаза у Толи были карего цвета, отчего казались пронзительнее.

– Конечно, помню! Ты тогда напугал меня едва не до полусмерти! Возник из темноты, я и подумала, что снова драться со мной будешь.

Он рассмеялся.

– Кстати, я с тобой никогда не дрался. Только пугал.

– И твоих угроз было предостаточно.

Ирина не заметила, как они разговорились, и Толя проводил её до подъезда. Они вспомнили старых знакомых, дворовых ребят: кто женился, кто переехал, а кто и не вернулся после войны. Ирина заметила, что на неё с любопытством поглядывают знакомые. Ещё бы! Хотя Окошевы и жили в их дворе, но Анатолия последние годы видно не было. Она постеснялась спросить, где он служил.

Они договорились вечером погулять по парку. Сначала Ирина хотела отказаться, вспомнила Олега, его молчание, и назло ему согласилась. Пусть не думает, что она без него пропадет или у неё не найдется кавалеров! Не на ту попал. Не хочет, не надо, одна она не останется.

Ирине нравилось общаться с Толей. Он оказался замечательным собеседником, и, естественно, за первым вечером последовал следующий. С Олегом они столкнулись на следующий день, когда сидели в столовой, ужинали. Олег был с ребятами с завода, и потому, какие взгляды он бросал на Ирину, она приготовилась к неприятностям.

Где-то в глубине души ей польстило, что двое мужчин могут из-за неё подраться. Она обругала себя. Так нельзя. Что будет с Олегом? Конечно, он парень смелый, даже, пожалуй, излишне. Наломает дров, потом всю жизнь раскаиваться будет.

Что-то надо делать.

– Толя, у меня к тебе просьба, – быстро-быстро сказала она и заговорчески наклонилась вперед.

– Слушаю. В чем дело, Иришка?

– Видишь того парня в синей рубашке, через два столика от нас сидит, – Толя кивнул. – Так вот, я с ним иногда в кино ходила, и так, погулять...

– Ты была с ним в тот вечер, когда мы первый раз увиделись, – прервал её Анатолий, и его глаза чуть заметно прищурились.

– Совершенно верно, – обрадовалась Ирина. – Мы с ним до сих пор не объяснились... И я... Я чувствую себя виноватой. Ты понимаешь.

– Ты ему что-то обещала? – Толя продолжил есть, опустив голову.

– Нет.

– Тогда всё в порядке, – сказал, как отрезал молодой человек.

– И ты не будешь ввязываться в драку? – для полной уверенности поинтересовалась Ирина.

Анатолий отложил вилку с ножиком и откинулся на стул. Пристально на неё посмотрел и промолчал.

Олег с товарищами ушли из столовой раньше них, и Ирина вздохнула с облегчением. Надо как-то встретиться с Олегом, объясниться, а то нехорошо получилось.

Екатерина не пришла в восторг, когда заметила, что её дочь провожает не Каштанов, а Окошев. Разговор с Ириной ничего не дал, она сделала свой выбор.

Работа в детском саду приносила Ирине удовольствие. Конечно, первая неделя показалась ей очень тяжелой, дети, голопузые бандиты в возрасте от трех до шести лет сводили с ума. Казалось, на них нет управы. Старшие нянечки с понимающей улыбкой смотрели на попытки Ирины унять детей. Они все через это проходили. Ничего, пообвыкнется, станет легче.

Ирина же с надеждой смотрела в будущее и строила планы.

Роман с Толей набирал силу. И теперь Ирина ждала предложения уже от него. Олега она даже и не вспоминала. Так, иногда они сталкивались на улице, он бросал на неё хмурые взгляды, но подойти, поговорить, потребовать объяснений даже не пытался.

Сначала Ирина удивлялась поведению Олега. Неужели он так быстро сдался, с легкостью готов был отказаться от неё? Видимо, да. Это не могло не задеть Ирину. Но потом она мудро решила, что всё, что не делается – к лучшему. Значит, Олег не достаточно сильно её любил, и она не была бы с ним счастлива. Толя – другое дело. К тому же, ей нравилась мысль стать офицерской женой. А что? Не для кого не секрет, что военным и привилегия, и почет.

И ещё... Они уже целовались. Правда, это случалось всего пару раз, и Ирина считала, что в невинных поцелуях нет ничего страшного. В конце концов, они встречаются больше месяца.

Сегодняшний вечер ничем не отличался от предыдущих. Они погуляли по городу, посидели в парке. Толя заботливо накинул на плечи Иры пиджак, чтобы она не замерзла. Днем прошел дождик, и к вечеру стало прохладно.

Ирина несколько раз ловила на себе задумчивый взгляд друга и никак не могла понять, что он мог означать.

– Что-то случилось? – поинтересовалась она, когда они подходили к дому.

– Нет, а с чего ты взяла? – Толя остановился и повернулся к девушке.

Та пожала плечами.

– Не знаю, ты какой-то странный сегодня.

– И в чем же проявляется моя странность, – в голосе Анатолия послышались резкие нотки, которых раньше Ирина не замечала.

– Да говорю же, не знаю. Знала бы, не спрашивала. Ой, смотри, кажется, опять дождь начинается, – Ирина вскинула лицо кверху и подставила ладошки крупным каплям.

– Да, верно.

– Пошли в подъезд! Бегом! – она весело засмеялась и, схватив Толю за руку, потянула его вслед за собой.

Расставаться не хотелось. Запоздалые прохожие спешили укрыться по домам-норкам, и улица быстро опустела. Они молча стояли, их плечи соприкасались, и каждый смотрел на косые полосы дождя, на лопающиеся пузырьки на асфальте.

Внезапно Ирина почувствовала, как Анатолий обхватил её плечи и развернул к себе. В подъезде было темно, и она не видела выражение его глаз.

– Ирина, ты права, права, – заговорил он, и его пальцы сжались. – Я не хотел тебе говорить раньше, боялся, что ты расстроишься, но не имеет смысла больше скрывать. И уехать, ничего тебе не сказав... Я не могу так поступить с тобой.

Ирина замерла.

– Уехать? О чем ты говоришь?

– Ира, Ирочка, я военный человек! Я не хозяин своей судьбы, куда мне скажут, туда я и поеду.

У Ирины пересохло во рту, а голова слегка закружилась.

– И куда ты должен уехать? – медленно проговорила она.

– Владивосток. Меня распределили туда.

– И на долго?

– Три года, как минимум.

Ирина замолчала, у неё не было слов, чтобы продолжить разговор. В голове бились две мысли: сейчас он скажет, что любит её и позовет поехать с ним, или... или ей придется пожелать ему доброго пути. И Ирина отчаянно боялась, что Толя выбрал для себя второй вариант.

Она покачнулась и оказалась прижатой к холодной бетонной стене общежития. Анатолий стоял рядом.

– Ты расстроилась, да, Ирочка? – он ласково дотронулся до её щеки. – Я понимаю, но ничего не поделаешь. Ты не представляешь, как мне жаль...

Ирина всё поняла. Точка. Кажется, она проиграла. Поставила не на того короля. Проклятье!

– Да, мне тоже, – тихо сказала она и вздохнула.

– Всё будет хорошо, – сказал Анатолий и сделал шаг в её сторону. Теперь они стояли практически вплотную, и Ирина чувствовала на своих волосах его дыхание. Отчего-то ей стало неуютно. – Знаешь, я даже рад, что сейчас пошел дождь, и у нас появилась возможность побыть наедине. Я давно хотел тебе сказать... Подари мне эту ночь! Я хочу, чтобы мы её провели вместе! Только ты и я...

От изумления Ирина в первое мгновение даже не поняла, о чем идет речь. А когда поняла, то...

– О чем ты говоришь? Да как у тебя язык повернулся такое мне сказать? Я что, похожа на гулящую? Тебе не стыдно? – набросилась она на него.

Даже в темноте ей удалось увидеть, как тонкие губы Толи скривились в недоброй ухмылке.

– Ты не гулящая, согласен, ты дочь гулящей, а здесь разница небольшая, – его голос изменился до неузнаваемости. – Или ты думала, что я ничего не знаю? Хотя нет, ты думала, что у нас с тобой роман, что я позову тебя замуж, – тут он рассмеялся, и от его смеха у Ирины по телу пробежали мурашки.

Она огляделась по сторонам и поняла, что находится в ловушке. Голова просветлела, романтический настрой прошел. Перед ней снова стоял Толька Окошев, её давний недруг. Но сейчас он превышал её и в росте, и в силе, к тому же темнота, и тот факт, что они спустились за лестницу, играли против неё.

– Сволочь, – четко выплюнула она и попыталась обойти его, но не тут-то было.

– Всегда к твоим услугам, милая, – Окошев схватил её лицо и впился губами в мягкий девичий рот.

От отвращения и страха Ирина принялась отчаянно сопротивляться. Она не позволит себя изнасиловать! Ни за что!

Она замотала головой из стороны в сторону, вцепилась руками в волосы насильника и попыталась отодрать его от себя. В ответ получила сильную затрещину, в глазах помутилось, земля покачнулась под ногами. Цепкие руки проникли под легкое платье. Кричать не имело смысла, да Ирина не пережила бы позора. Соседи будут рады увидеть её унижение, она не строила иллюзий. Боль и злость придала ей сил, она потом сама удивлялась, откуда они у нее взялись. Окошев не ожидал такого отчаянного сопротивления, он рассчитывал на быструю и легкую победу, ему и так пришлось провозиться с этой дурочкой больше месяца, поэтому, когда жертва вырвалась и ринулась вверх по лестнице, а он схватил пустой накаленный воздух, из его груди вырвался рык разозленного зверя.

– Ты пожалеешь, маленькая сучка! И горько....

Угроза растворилась в пустом подъезде.

А Ирина неслась по лестнице с сердцем, готовым выпрыгнуть из груди. Она не верила в подобную удачу. Неужели она вырвалась? Перед её глазами до сих пор стояло перекошенное лицо Окошева.

Дверь была не заперта на ключ, и Ирина с шумом ворвалась в комнату. Катя не спала, сегодня она с работы принесла домой пишущую машинку и печатала бумаги. Когда дочь вбежала в комнату, она подняла голову и оторвалась от работы.

– Ирина? Что случилось? Ты бледная....

Ирина прижалась спиной к двери и попыталась восстановить шумное прерывистое дыхание.

– Мама, ничего....

– Как это ничего? – Катя поднялась из-за стола и приблизилась к дочери. – Ты вся дрожишь! Что случилось, я спрашиваю? Не пугай меня! Расскажи же!

– Окошев.... Он пытался... пытался обидеть меня, – Катя вздрогнула. – Я вырвалась, а он остался там, внизу! Мама, посмотри в окно, он ушел?! Пожалуйста, посмотри, я боюсь!

Катя бросилась к окну и увидела высокую прямую фигуру, которая быстро пересекала двор.

– Да.

– Боже....

Ирина прошла в комнату и рухнула на кровать. Сил не было даже на то, чтобы умыться или заплакать. Её по-прежнему трясло. Катерина помогла ей раздеться и лечь, она заботливо укутала девочку, подогнув под свернувшуюся калачиком фигурку, одеяло.

Неужели её дочь расплачивается за грехи матери? Да за что же это, а? Ведь Катя пыталась выжить! Просто выжить! Она рухнула за стол, где вспорхнули и в беспорядке сплотили институтские бумаги. Её тело сотрясалось от беззвучных рыданий. Кто, скажите, кто сказал, что красота приносит счастье? Грешна она, чего уж тут скрывать, а теперь и Ирка страдает! Ведь красивая бестия выросла, ох, какая красивая. И мужики вокруг выются. А глупая ещё, бестолковая, многого не понимает и мать не слушается.

Катерина боялась за дальнейшую судьбу дочери. Пусть сегодня отдохнет, а завтра они непременно поговорят. И поговорят серьезно. Катя впервые задумалась о том, чтобы бросить всё и уехать из Москвы. А что? Переедут в какую-нибудь деревню, или маленький городок в Поволжье, и всё у них пойдет по-другому. Другое место, другая жизнь. Да, стоит поразмыслить на досуге. Сейчас голова разболелась от рыданий. Спать пора. И часы будильника показывали второй час. Катя посмотрела на рассыпанные бумаги профессора Штыкова. Помогла, называется. Обещала перепечатать, решила помочь старику, а на деле всё перепутала. Ладно, утро вечера мудрее.

Катя медленно поднялась со стула, потянулась, когда услышала в коридоре шум. Что такое? Снова сосед пьяный пришел и гоняет жену? Нет, не похоже.... Это не крики.

Это топот армейских сапог.

Через мгновение в их дверь ударил тяжелый мужской кулак.

Глава 3

Катя шарахнулась от двери, как прокаженная. При втором ударе дверь пошатнулась.

Ирина проснулась от поднявшегося шума и села на кровати. Она прищурила глаза и плотнее прижала к себе одеяло. Кошмарная ночь продолжалась.

– Акимчева, откройте дверь! – громогласный голос раздался по ту сторону двери. А Ирине показалось, что из прошлой жизни. Она не была столь наивной, чтобы не понимать, что означает столь поздний визит.

Она видела, как мать на негнущихся ногах подошла к двери, как щелкнула затвором. В комнату ввалились люди в форме и штатском. Полный мужчина в кожаном френче без знаков отличия вызывающе огляделся по сторонам и громко сказал:

– У нас есть постановление прокурора на обыск. Приступайте, – кивнул он своим подручным, и ещё двое мужчин бесцеремонно принялись рыться в вещах женщин.

На пороге Ирина увидела замаячивших соседей. Те с любопытством и страхом наблюдали за происходящим. На чьих-то лицах Ирина прочла неприкрытое торжество, но в тот момент она не могла думать ни о чем другом, кроме того, что будет дальше с ней и матерью.

– Объясните.... Объясните, что происходит, – Катерина дрожащими руками плотнее запахнула халат.

– А происходит то, что вы, гражданочка, занимаетесь политическим шпионажем в пользу американского государства, – не сказал, а выплюнул всё тот же толстяк, который, видимо, был за главного. – И меня интересует, где вы прячете бумаги!

– О чем вы говорите..., – Катя растерялась, испугалась, и была не в силах противостоять агрессивной силе. – Какие... какие бумаги.... У меня нет никаких бумаг.

– Товарищ капитан, посмотрите вот это! – молодой сержант протянул толстяку стопку бумаг профессора Штыкова. – Я обнаружил их на столе. Акимчева, видимо, делала вторые экземпляры!

Главный мельком взглянул на чертежи и расчеты профессора и сделал несколько быстрых, тяжелых шагов в сторону Екатерины.

– А это что такое? – он потряс листками перед лицом перепуганной женщины. – Я спрашиваю, что это такое? Или вы рассчитывали, что ваше предательство останется безнаказанным? Нет, никому ещё не удавалось уйти от советского правосудия!

– Эти бумаги меня попросил перепечатать профессор Штыков, – Катя до последнего не могла поверить в происходящее. Ей казалось, что сейчас она всё объяснит, и мужчины покинут их комнатушку раз и навсегда. – Мы вместе работаем в институте. Профессор занимается исследованием....

– Профессор Штыков был арестован три часа назад, – снова жестко оборвал её капитан. – Свидетели, пройдите в комнату. А вы пишите в протоколе: были обнаружены бумаги с химическими формулами и вычислениями....

Ирина зажмурила глаза. В отличие от матери за прошедшее время она не сказала ни слова. Она точно впала в транс, но сохранила сознание и прекрасно понимала, что происходит. Через несколько часов обыска их арестуют. Ирина не сомневалась. Не для воспитательной беседы были подняты в два часа ночи хмурый и жесткий капитан и два молоденьких сержанта. Когда они постучали в их дверь, нет, когда они выезжали с Лубянки, они уже знали, что именно найдут в маленькой комнате не примечательного общежития, ничем не отличавшихся от тысяч других ему подобных, разбросанных по бескрайним просторам страны.

Шпионаж. Их обвинят в шпионаже. А это пятьдесят восьмая статья. Политическая.

Обыск длился около четырех часов. Что ещё можно было у них найти, Ирина не представляла. Она по-прежнему молча наблюдала за передвижениями военных по комнате. Катя тоже больше не пыталась возражать. Она покорно села на табуретку и даже не поднимала головы.

А вскоре прозвучали роковые слова об аресте.

Им разрешили одеться и собрать узелки. Всё как положено. Ирина двигалась точно во сне. Кошмарном сне без права на пробуждение. Двух женщин, молодую и чуть постарше, у которой неожиданно за ночь, за бесконечно долгие предрассветные часы появились седые волосы, провели по коридорам. Соседи провожали их долгими взглядами. Сочувственными, насмешливыми, недоуменными. Из ареста Акимчевых не делали тайны.

Около подъезда стояли два черных автомобиля с занавесками на окнах. Ирину подвели к одной, а мать подтолкнули к следующей. Катерина не сдерживала рыданий и постоянно твердила:

– Доченька... доченька, девочка моя...

Ирина на мгновение замерла и быстро оглянулась назад, на холодное бетонное здание, бывшее ей домом, на соседей, прильнувших к окнам, на тополек, посаженный в прошлом году рядом с большими скамейками. В голове мелькнула отчаянная, продиктованная поднимающейся из глубины души безысходностью, мысль, что всё это родное, до боли знакомое, она видит в последний раз.

Сюда она больше не вернется.

Их с матерью разъединили. К небезызвестному зданию на Лубянке подъехал один автомобиль, в котором находилась Ирина. Второго не было видно. Её вывели из машины. И в тот самый момент она испугалась, испугалась по настоящему.

– А где моя мама? – её вопрос прозвучал совсем по-детски.

Ответом ей послужила усмешка капитана:

– Будет тебе мамочка, не переживай. На следствие да суде. А сейчас, давай, топай! Не видишь, дождь начинается, а из-за тебя, мерзавка, я промокать не собираюсь!

Ирина хотела возразить, закричать, но натолкнулась на холодный взгляд капитана, и слова застряли в горле. От него она ничего не добьется. Если только грубости и жестокости. И она покорно пошла за молодым сержантом. Её провели в крыло, отгороженное железными решетками, где её поджидала высокая худая женщина с волосами цвета мокрой соломы. Почему-то у Ирины она сразу же вызвала чувство брезгливости.

– Акимчева? – спросила женщина недружелюбно.

– Да, – кивнула Ирина.

– Следуй за мной, – коротко сказала она. Они прошли в соседнюю комнату, где та приказала: – Раздевайся.

– Что? – испуганно переспросила Ирина.

– Ты глухая, что ли? Я сказала, раздевайся! Дважды повторять я для тебя не намерена!

Это было первое унижение в череде бесконечных.

Ирина дрожащими руками расстегнула пуговички на платье и стащила его через голову. В комнате было прохладно, она дрожала, кожа покрылась мурашками. Женщина в кителе кинула на неё насмешливый взгляд:

– Я что, по-твоему, должна осматривать тебя через белье? Его тоже снимай! Живо!

Пальцы женщины были длинными и жесткими. Она не церемонилась с молодой арестанткой. Раньше надо было думать, что делает, а здесь нечего слезы лить! Слезы лить и бить на жалость все они горазды! А эта красотка, небось, рассчитывает разжалобить следователя! Ещё бы, фигурка-то вон какая да и рылом вышла! Ничего, в лагере быстро красота поблекнет. Год на лесоповале и от нее останется кожа да кости.

Тюремщица не любила красивых женщин. Завидовала. Она и работать в органы пошла с одной единственной целью: каждый день видеть унижения других женщин.

Ирине одеться не разрешили. Дальше ещё осматривала молодая докторша, проверяла, не прячет ли арестованная оружия и капсул с ядом. Девушка дрожала, а по щекам скользили одна слезинка за другой. Её бил озноб, ужасно хотелось есть. Тюремщица, не говоря ни слова, куда-то вышла, и Ирина осталась одна. Она стояла посередине камеры, обхватив обнаженные плечи руками. Бетонный пол был холодным, и она переминалась с ноги на ногу.

Ждать пришлось не долго. Скоро вернулась тюремщица и швырнула Ирине сизого цвета балахон, на пол с глухим звуком упали туфли без задников.

– Одевайся! – последовал короткий приказ.

Ирина думала, что её сейчас отведут в общую камеру, где томятся другие женщины. Она очень надеялась увидеть мать. Это была смелая мечта, потому что, наверняка, их разместят отдельно друг от друга, и не позволят увидиться. Но, как известно, надежда умирает последней.

Но ничего подобного не происходило. Она продолжала находиться одна.

Время тянулось бесконечно. Ирина не находила себе места. Она ходила по камере, сидела на табурете, одиноко стоящем около стены. И ждала. Ждала, когда за ней придут.

Ей было страшно. Неизвестность пугала. Она тысячу раз перебирала в голове вариант разговора со следователем, и каждый раз он отличался от предыдущего. Она просто не знала, что говорить. Мама часто приносила из института какие-то бумаги, иногда работы было очень много, она не укладывалась в рабочий день и приходилась допечатывать дома. Ирина тоже выучила машинопись и помогала Катерине. Но бумаг профессора Штыкова она не читала, и даже не представляла о чем в них идет речь. Она даже не знала, чем именно занимался профессор! Но кто ей поверит?

Ирина не была идеалисткой. Наверное, для её душевного спокойствия было бы лучше, если бы она продолжила надеяться, что всё обойдется, что следствие разберется, признает, что произошло ужасное недоразумение, и их с мамой отпустят домой. Вместо этого она пыталась вспомнить – возвращался кто-либо после задержания с Лубянки. И не могла.

Власть не любила признавать себя не правой.

За ней пришли ночью. То, что наступила ночь, Ирина смутно поняла, когда её вели по коридорам, и в одном небольшом окошечке она заметила несколько одиноких звезд, проглядывающих сквозь набегающие тучи.

Следователь не поднял голову, когда её ввели в комнату. Он, как читал бумаги, так и продолжил их читать, сидя за большим столом. За его спиной висел огромный портрет Сталина. Ирина застыла в нерешительности. Что дальше?

Стенографистка, которая что-то быстро стучала на машинки, кивнула ей и указала на высокий табурет, стоящий напротив стола следователя. Ирина сглотнула подступивший к горлу ком страха.

– Ирина Николаевна Акимчева, тысяча девятисот тридцать второго года рождения, – негромко произнес следователь, и Ирина вздрогнула. – Как будем вести следствие? Вы сразу сделаете заявление, или мы будем зря тратить моё время?

Ирине он не понравился. Обладая приятной внешностью, светловолосый, с детскими пухлыми губами, он мог бы казаться привлекательным, если бы не холодные бесцветные глаза. Нет, глаза были светло-голубыми, но из-за освещения казались прозрачными.

– Какое заявление? – спросила Ирина и постаралась, чтобы её голос звучал увереннее. Ей не хотелось, чтобы этот человек догадался, что она испытывает перед ним страх. Хотя.... Он знал наверняка, что ей страшно.

– Чистосердечное признание в своей виновности. К чему отпираться? Ваша матушка, Акимчева Екатерина Дмитриевна, принимала непосредственное участие в передаче докумен-

тов, в её руках оказались материалы лабораторных исследований, предоставляющих большую важность для советского государства.

– Нет, всё совсем не так, – Ирина покачала головой и невольно подалась вперед. – Мама работает секретарем в мединституте, у неё много работы, иногда она не успевает перепечатать все и приносит бумаги домой.

Следователь усмехнулся.

– Так и запишем: приносит бумаги домой, – он и стенографистка обменялись взглядом, значение которого было понятно им одним. – Гражданка Акимчева, а, может, вы будете утверждать, что пятого июля текущего года к вам в общежитие не приходил некий мужчина, москвич, и ваша матушка не ночевала дома?

Ирина выпрямилась. Она, конечно, помнила этот случай, но не придавала ему особого значения. Катя часто за последний год не ночевала дома, дочь выросла, и она не боялась оставлять её одну.

– Не буду, – тихо ответила Ирина. Врать не имело смысла.

Следователь задавал и задавал вопросы. Ирина старалась быть предельно честной и откровенной. Ей нечего было скрывать, за собой она не чувствовала вины. И она не верила, что её мать могла заниматься политическим шпионажем в пользу иностранного государства.

– Так, делаем перерыв, – следователь посмотрел на массивные часы. – Лидочка, вы как на это смотрите?

Стенографистка расплылась в улыбке.

– Положительно, Илья Петрович.

Они сделали вид, что Ирины в комнате нет: встали и вышли. А она по-прежнему осталась сидеть на стуле.

Что-то тут не так. Женская интуиция Ирины встрепенулась: здесь какой-то подвох. Следователь не может просто встать и оставить арестованную наедине с архивом. Ирина заметила на его столе несколько папок. А вдруг там что-то важное? Нет, ей лучше не вставать с места, мало ли что.

Интуиция не подвела Ирину. Не прошло и две минуты, как она услышала скрип двери. В кабинет следователя кто-то вошел. Ирина сидела к двери спиной, и не могла видеть вошедшего, но она почувствовала на себе пристальный тяжелый взгляд.

На её плечо опустилась большая мужская рука.

– Вот и встретились, Ирочка.

Если бы у Ирины в тот момент был выбор, кого бы она предпочла увидеть: дьявола или Анатолия Окошева, она бы выбрала первого.

Окошев обошел её и облокотился на стол, встал прямо напротив неё. Пристально посмотрел сверху вниз.

– Здравствуй, – медленно проговорила Ирина и напряглась. Прошло чуть больше суток с того момента, как они расстались. И она не жаждала его увидеть снова, здесь, на Лубянке, под следствием. Уж больно свежа была память, и его холодный взгляд, и жадные руки, мнущие её тело. Окошев не был другом – это Ирина уяснила.

– Судьба преподносит сюрпризы, да, Ирочка? – он цинично усмехнулся, скрестил руки на груди. – Надо же, а ты могла мне испортить биографию. Кто бы подумал, что милая восемнадцатилетняя девушка окажется вражеской диверсанткой. Не ожидал, не ожидал.

Ирина прищурила глаза. И снова в её голове промелькнула знакомая мысль: что-то не так. Мысль была навязчивой, и она не позволяла от себя избавиться. Шок от происходящего начал проходить, Ирина медленно принялась сопоставлять факты. Да, в их с мамой истории не все концы сходились. Кому помешали две безобидные женщины? Кому они перешли дорогу?

Если только....

Волна ненависти захлестнула Ирину.

– Ты! – выдохнула она, чувствуя, как ей не хватает воздуха. – Сволочь! Это ты оклеветал меня и маму! Это ты устроил наш арест!..

Ирина перестала контролировать себя, и с рыком смертельно раненого зверя бросилась на своего обидчика. Единственным её желанием было раздавить, уничтожить противника, разорвать его на куски, захлебнуться в его крови.

Она вцепилась ногтями в его лицо, попыталась разодрать мерзкую физиономию, но сильный удар в челюсть отбросил её назад. Она упала. Из разбитой губы засочилась кровь.

Но Ирина не собиралась сдаваться. Не обращая внимания на физическую боль, она снова ринулась в бой. И снова удар сбил её с ног. На этот раз Окошев не позволил ей подняться, он сам обрушился на неё. Один удар следовал за другим. Теперь Ирине пришлось защищаться. Она кричала, ругалась матом, кусалась, пыталась вцепиться зубами в глотку мерзавца. Она не замечала собственной крови, её разум помутился.

Уничтожить, уничтожить....

Схватка длилась недолго. Не смотря на ярость, застилающую глаза пелену ненависти, силы противников были не равными. Ирина слабела. Уже не было сил не то, чтобы нападать, но и защищаться. С каждым проходившим мгновением всё труднее и труднее было поднимать руки, укрываясь от безжалостных ударов, они не слушались её, отказывались повиноваться. Ей казалось: вот ещё один рывок, и сквозь боль, ненависть, отчаяние она сможет победить, добраться до цели.

Всего один рывок...

Окошев что-то говорил, методично продолжая наносить удары, но Ирина уже не слышала его. Темнота стремительно подбиралась к ней. Окошев встряхнул её, и последнее, что она запомнила – это как с невообразимым шумом об пол ударились бляха на армейском ремне, а Окошев рванул Ирину на себя и грубо раздвинул девичьи ноги.

Глава 4

Временами Виктору Бехтереву начинало казаться, что уже ничто в этом погрязшем в грехах мире не способно его удивить. Он видел всё: тысячи человеческих трагедий, взлеты и падения, унижение и раболепство, предательство и стойкость характера, великодушные души на грани безумства. Кого-то он отлично понимал, кого-то презирал и беспощадно уничтожал, о ком-то просто забывал.

Проработав в Соловецких лагерях более пятнадцати лет, он однажды пришёл к выводу, что бесконечно, безмерно устал.

Работа давно перестала приносить ему удовольствие. В органы НКВД он пришёл молодым сопливым специалистом, получившим по тем временам хорошее юридическое образование. Когда в стране советов большинство офицеров, как младших, так и старших чинов, порой, хорошо, если умели сносно читать и оперировать несложными математическими упражнениями, он с отличием окончил Московский университет, и мечтал служить на благо Родине, преследуя и уничтожая врагов. Что ж, Родина предоставила ему такую возможность.

У Виктора была возможность выбора: остаться в Москве или поехать на Север. Сейчас он понимал, каким романтическим дураком был. Можно представить, как втихую над ним посмеивалось руководство! Ещё бы, молодой романтик, истинно вознамеривавшийся бороться с врагами Советского Союза. Специалисты были нужны везде. Его однокурсники рвали жилы, всеми правдами и неправдами стремясь попасть в центральное управление, а этот олух выбрал Соловецкие острова. Товарищ Сталин может гордиться своими сыновьями.

Виктора назначили в информационно-следственную часть. Это устраивало его, как нельзя лучше. Он с головой погрузился в работу. Какие судьбы! Какие характеры! Некоторые дела он читал похлещи любимых приключенческих романов. Он никому в этом не признался, но многими заключенными он восхищался. Первые месяцы.

А потом пришли рабочие будни. На его глазах разворачивались драмы, и он был их непосредственным участником. Голод, холод, жестокое отношение со стороны вертухаев творили с заключенными поразительные вещи. Восемьдесят процентов заключенных стучали друг на друга. Вспыхивали драки, разборки, случались побеги, массовые расстрелы... Всё, как и в других лагерях.

В первый год Бехтерева мучили бесконечные кошмары. Он часто просыпался с криком, весь в поту. И думал, что не выдержит, что сломается. Его так и подмывало написать рапорт о переводе, но день проходил, за ним следующий, а он бездействовал. Заготовленная бумага лежала нетронутой.

До конца второй мировой войны лагеря были смешанными, не было разделения на мужские и женские лагеря. Женщин заключенных размещали в соседних бараках с мужчинами. Это устраивало, если не всех, то многих. Совместная жизнь давала надежду. Надежду сохранить человеческие отношения. Надежду на любовь, крепкие чувства. Даже здесь, на лагерном Севере, у женщины никто не мог отнять право быть женщиной.

Любимой. Желанной. Единственной.

Отношения вспыхивали между заключенными, между зэчками и офицерами. Но в большинстве случаев всё сводилось к плотской любви. Как только приходил новый этап, женщин отправляли в бани. И именно там впервые устраивались «смотрины». Женщин рассматривали, как товар. И выбирали. Те новоиспеченные зэчки, что не были обременены лишними моральными принципами, могли неплохо устроиться в лагере. Особенно ценились красивые женщины. Впрочем, как и везде. Тут тебе, пожалуйста, и теплое местечко в «кабинке» у блатного, и распределение на работу в столовую, прачечную или санчасть. Многие мечтали попасть в

служанки к офицерам, правда, если у того была недалекая жена. А то, глядишь, и боком может обернуться такая служба.

Но были, конечно, и те, кто не желал торговать своим телом. Им приходилось трудно. Таковую женщину, да если ещё и привлекательную, да если ещё и сумевшую сохранить эту привлекательность, пытались сломить, как эки, так и работники лагеря. Кто-то выдерживал, а кто-то и ломался. Тогда к ней уже не было пощады.

Виктор тоже был не чужд человеческих радостей, хотя кто-то и поговаривал, что суров начальник ИСЧ. Хотя женщин он старался не обижать. По крайней мере, тех, кого приглашал к себе в кровать. Но постоянной женщины у него не было. Не смогла зацепить ни одна. Хотя многие и пытались.

В молодости он не успел жениться, а потом просто не мог представить, что привезет любимую женщину, мать его детей, сюда, где слово «ад» прочно поселилось в мозгу у людей. Он смотрел на жен других служащих и искренне им сочувствовал. Красота быстро меркла и тускнела. Злоба и обида на мужа прочно поселялась в их душах. «Не мог устроиться получше», – так и читалось в их взглядах.

Женщины не играли в жизни Виктора главной роли.

Но когда в 1948 году окончательно закончилось разделение лагерей по полам, и Виктору предложили идти работать в женский лагерь, он не возражал. Ему было просто всё равно, где оставаться.

Он привык к СЛОНу – Соловецким лагерям особого назначения, – и теперь для Виктора было бы намного сложнее вернуться на материк. Иногда он пытался представить, как сложилась бы его жизнь, останься он тогда в Москве, или, попади по распределению в другой большой город, но не мог. Соловки стали частью его, он слился с ними. К тому же, долгие годы борьбы с собой не прошли даром. От романтика Бехтерева осталась только библиотека, которую он собирал все эти долгие годы, и которую любил перечитывать темными зимними ночами, когда за окном безумствовала вьюга. Ни чувства жалости, ни чувства потери не осталась. Даже злость на окружающий мир и та притупилась.

Он устал. И чувствовал себя бесконечно одиноким.

Прибыл новый этап. Виктор лениво откинулся на стуле, посмотрел на бумаги новопривывших и поморщился. У него с утра болела голова, и сейчас совсем не хотелось зарываться в бумаги. Пусть ими займется Игорь, его помощник, с которым они работали вместе два года. Игорь Затмитский тоже закончил, как и он в свое время, Московский институт, и они любили вспоминать знакомых педагогов, которые ещё остались, а так же сравнивать нововведения.

Игорю Затмитскому было двадцать семь лет, он был молод и честолюбив. Но в его прошлом была небольшая история, которая не только могла повредить карьере, но и запросто превратить его в социально опасного элемента. Поэтому он был благодарен судьбе за то, что отделался легко. Вместо службы на Соловках, он мог оказаться здесь же, но уже в качестве заключенного.

У Игоря в жизни было две страсти: женщины и стремление к власти. Здесь он получил вволю и то, и другое. Женщины, лишённые мужского общества, сами стремились привлечь внимание молоденького опера. Выбери – не хочу! А власть.... Власть пьянила. Конечно, он не мог ещё так распоряжаться человеческими судьбами, как, например, тот же Бехтерев, но и его слово играло не последнее значение.

Бехтеревым он восхищался. Кремень, а не мужик. По нему и не скажешь, что вырос в Москве, настоящий северный житель. Только к нему больше подходит определение, не «хозяин тайги», а «хозяин лагеря». Сразу же по прибытию на службу, Игорь понял, кто здесь главный. И равнялся на старшего товарища.

Сейчас он наблюдал, как Виктор Данилович, продолжая хмуриться, поднялся из-за рабочего стола и подошел к небольшому окну. О чем-то задумался. У Игоря частенько возникало желание поинтересоваться у командира, почему он не женился, но удобного случая, например, «под шафе», так и не представилось. Нельзя же всю жизнь якшаться с ээчками. С нормальными бабами тоже следует общаться.

Вот Игорь, например, послужит здесь годок-другой, а там и обзаведется послушной женушкой. Что б лишний раз рот не открывала.

– Игорь, ты здесь посмотри, а я пойду, пройду, – голос Бехтерева оторвал Затмитского от дум.

– Как скажете, товарищ командир, – отрапортовал Игорь.

Виктор, сняв с вешалки куртку, вышел из части. На улице стояла ранняя осень, но было уже прохладно. А скоро и вовсе придут первые холода. До зимы не далеко.

Он не любил осень. Постоянный дождик с порывистыми ветрами, слякоть, грязь, кроме раздражения, у Виктора это время года ничего не вызывало. И он искренне не понимал, как можно ей восхищаться.

Около лагерного пункта выстроили новоприбывших женщин. Как всегда, после дороги от них сильно воняло. Сегодня дежурил Аркин, толстый нерасторопный лентяй, и, значит, женщинам, прежде, чем их распределят по баракам, придется простоять на улице ещё несколько часов. Тут же находились и несколько человек из администрации лагеря. Девицы, что побойчей, пытались с ними завязать разговоры, а проститутки открыто выставляли свои прелести.

Они все на что-то надеялись.

Виктор не собирался задерживаться около новоприбывших. Если он и захочет выбрать себе женщину, то сделает это после бани.

Но его мнение резко изменилось, когда он к ним приблизился.

Удар. Вспышка, промелькнувшая в воздухе. Некий разряд. Искра.

Этими словами великие классики, да и последующие подмастерья литературы описывали мгновение, когда главный герой впервые видел свою возлюбленную? Выходило, что он почувствовал именно это?

На Севере Виктор стал неисправимым циником, он смотрел на жизнь с иронией, и, конечно, не верил в любовь, тем более, в любовь с первого взгляда. Но в те короткие мгновения, он ни о чем подобном и не думал. Перед ним стояла женщина, совсем девчонка, поразившая его воображение.

Она стояла в самом конце строя, приподняв лицо последним теплым лучам солнца. Грязные светлые волосы были собраны в «хвост», точно желая подчеркнуть изящную линию шеи, высокие скулы, красиво очерченные пунцовые губы. Но всё это было не то... За годы службы Виктор встречал женщин и с более правильными чертами лица.

В девушке было нечто другое. Неуловимое. То единственное, неизменное, что сводит мужчин с ума. Что низводит их на уровень животных. Что пробуждает в них первобытную страсть обладателя. Её красота завораживала, притягивала к себе, не позволяла молча пройти.

Но Бехтерев прошёл. Он не собирался выказывать своё расположение.

По крайней мере, сейчас.

Ирина покорно шла за старшиной-надзирателем. Ни куда её ведут, ни зачем она не спрашивала, боялась. Они утром прибыли в лагерь, и она ещё не знала местных порядков. Женщины, особенно те, что не первый раз оказывались судимы, рассказывали некоторые, на их взгляд, забавные истории из жизни зоны, но Ирина слушала невнимательно. Ей было не интересно. В те роковые часы её не занимала собственная судьба. Всё происходившее с ней она не воспринимала, как роковую реальность. Встреча с Окошевым, жестокое изнасилование что-то надломил в ней, и до сих пор не позволяло прийти в себя. Может, и к лучшему. В противном

случае, где гарантия, что молодой разум выдержал бы? Ирина в те месяцы скрылась за маской покорного безразличия, точно черепаха, ушла в некий, только ей одной ведомый, панцирь. Это помогло пережить дальнейшие ужасы допроса и домогательства других мужчин.

Единственное, что её тревожило – это судьба матери. После суда она её больше не видела. У Ирины была призрачная надежда, что их погонят одним этапом, но она быстро развеялась. Катерину задержали в Москве. И что с ней стало дальше – неизвестно.

Постепенно Ирина начала приходить в себя. Впервые обида и злость, в первую очередь, на себя в ней проснулась в дорожной столовой, на станции, где они ждали поезд. Она заметила, как молоденький прыщавый конвоир бросает на неё похотливые взгляды. О, этот взгляд она не перепутает ни с каким другим на свете. Так на неё смотрел Окошев, так на неё смотрел следователь, и сержант, приносящий еду, и доктор, что осматривал её, когда у неё открылось кровотечение. . . . Нет, никогда и ни с чем она не перепутает подобный взгляд. Для неё он стал олицетворением мужчины, его низменных потребностей.

И поэтому, когда конвоир повел Ирину в кусты, благо лозняк и тальник были в изобилии поблизости с любым переправочным таежным пунктом, она чуть приглушенно сказала:

– Что я получу?

– Не понял, – лицо конвоира запыхало, отчего прыщи стали ещё заметнее.

– Я голодная. Хочу поесть. Нормальной еды, а не той бурды, которой вы нас кормите. Ты мне даешь еду, я не сопротивляюсь.

Первым желанием конвоира было хорошенько наподдать строптивой красотке, что б знала, с кем торгуется. Много их таких. . . . Но что-то в её взгляде остановило его. В нем не было ни страха, ни покорности. Одна решимость. Этот перевоз был для него не первым. Конвоиру случалось перевозить и матерых «блатных», и проституток, и воровок. Они были нахальными и бесстыжими. Могли обласкать похлеще любого пьяного мужика, не взирая на угрозы и побои. В их глазах тоже не было страха. И между тем эти женщины, ничего кроме отвращения у конвоира не вызывали.

А тут он почувствовал желание помочь девчонке. Ведь на самом деле, перед ним стояла совсем девчонка, кажется, восемнадцать ей? А уже политическая. Это хуже. Но в тот момент ему было всё равно, какая у неё статья. Главное, что она готова была уступить ему добровольно. И, может быть, даже приласкать.

Кровь ударила в голову конвоира. И он пошёл в столовую, потратил свои кровные деньги на еду.

Именно тогда, на переправочном пункте, Ирина впервые подумала о том, что у неё есть шанс выжить. Не просто отсидеть восемь лет в тюремных лагерях, а выжить. Для чего? Естественно, для мести.

Она должна убить Окошева.

Эта мысль прочно засела у неё в голове. Отмстить обидчику. И когда очередной мужчина проникал в неё, она, приглушая боль, сжимая зубы, представляла все возможные и не возможные виды мести Окошеву.

И лишь однажды она поддалась чувствам, забылась, и, рыдая под мужчиной, вспоминала, как голопузый карапуз, важно вышагивая с ней по зеленой тропинке детсада тараторил, старательно выговаривая её имя: «Иина Николаевна. . . .»

Ещё там, в Москве, в другой жизни, одна женщина, с которой они вместе сидели в общей камере, и которая заботливо промокала её лицо влажной тряпочкой, стирая кровь, капельки пота и слезы, хрипло, сдерживая рвущиеся на волю эмоции, прошептала:

– Натерпишься ты, девка, от этих скотов. . . . Ох, натерпишься. . . . Как мать говорю, не подумай, что со зла, не сопротивляйся, принимай, всё, как есть. . . . Может, и устроишься. . . . Может, всё и обойдется. . . . Господь милосердный, он не допустит. . . .

Чего Господь не допустит, женщина не договорила.

Когда этап прибыл в лагерь, Ирина почувствовала, как страх перед неизвестностью сковывает тело. Где-то в глубине души она не верила, что отсидит восемь лет и выйдет на свободу. Она политическая. У неё пятьдесят восьмая статья. Она представляет опасность для советских граждан, строящих светлое будущее. А, значит, её как можно дольше будут держать в лагерях. До тех пор, пока она здесь не загнется и не сгинет в бескрайних просторах Севера.

Она гнала подобные мысли прочь... Ей не просто надо выйти отсюда. Ей необходимо выйти отсюда здоровой и крепкой, полной сил. А как это сделать?

Пока она не знала.

И у неё было очень мало времени, чтобы найти ответ.

Вертухай шагал быстро, ему точно не терпелось доставить заключенную к месту назначения, он несколько раз ворчливо прикрикнул:

– Поторапливайся! Да шагай ты живее!

Ирина выполняла его приказы. Зачем злить старшину?

Стемнело. Она плохо понимала, куда они идут. Ночи на Севере наступали быстро, световые дни были короткими.

Наконец, старшина-наблюдатель быстро поднялся по нескольким ступенькам и громко постучал в дверь. Вошел и почти сразу же вышел.

– Заходи, давай, – буркнул он и распахнул перед девушкой дверь.

Ирина вошла в помещение, и невольно вздрогнула, когда услышала, с каким грохотом за ней захлопнулась дверь.

В комнате, кроме неё находился ещё один мужчина. Он стоял около окна, к ней спиной, и она не могла видеть ни его лица, ни его должности. Он был среднего роста, широкоплечий, кряжистый. В нем чувствовалась сила. Да, такой, пожалуй, приведишь, не забойтса и на медведя в одиночку сходить.

Ирина заговорила первая:

– Заключенная Акимчева Ирина Николаевна, статья пятьдесят восьмая, пункт...

Мужчина обернулся, и её голос как-то разом сник, и пункт она проговорила шепотом.

Перед ней стоял начальник информационно-следственной части, и она не могла сказать, что он вызвал у неё чувство отвращения. Напротив, Бехтерев, а она слышала и хорошо запомнила его фамилию, оказался привлекательным мужчиной сорока лет. Русые густые волосы были коротко пострижены, нос с горбинкой, которая возникает вследствие перелома, тонкие губы, упрямый квадратный подбородок. Глаза серые, холодноватые, и в отблеске лампы, казавшиеся, льдинками. А в целом, обычный мужчина.

Только наделенный властью.

Ирина попыталась вспомнить видела ли она его сегодня около лагерного пункта, но так и не смогла. Кое-какие лица уже примелькались, но Бехтерева она видела впервые. Правда, первые часы после прибытия этапа она помнила плохо. У неё кружилась голова от голода.

Виктор внимательно изучал девушку. Вот теперь она полностью соответствовала тому образу, что он нарисовал в голове. После бани её волосы отливали золотом, а кожа оказалась мраморно-гладкой. Правда, он предпочел бы легкий румянец на скулах, а не бледность. Но между тем Виктору понравилось, как она держалась. Он знал, что сейчас она ничего кроме страха не испытывает. Они все боялись в начале.

– Ты представляешь, зачем я тебя сюда позвал? – его голос прозвучал приглушенно и совсем не дружелюбно.

Ирина облизнула внезапно пересохшие губы. Кивнула.

– Догадываюсь, – было бы наивно предполагать, что начальник информационно-следственной части будет с ней разводить беседы.

Всё ясно и без лишних разговоров.

Ирина быстро огляделась по сторонам. Деревянная лавка вполне подойдет для быстрой любви. У неё засосало под ложечкой. Казалось бы, она должна была уже привыкнуть, но сейчас в ней снова проснулась маленькая девочка, которой было приказано тихо сидеть за ширмой и ни в коем случае не выходить, чтобы не происходило на другой стороне комнаты.

Виктор разозлился. Ему была не свойственна робость, а тут он почувствовал, что робеет перед арестанткой. Точно юнец, первый раз оставшийся наедине с женщиной. Он не понимал себя. Последние часы, вместо того, чтобы заняться работой, он ходил по своему дому и пытался представить, что будет делать дальше. Он уже отдал приказ привести Акимчеву к себе. Обычно сценарий развивался следующим образом: он брал понравившуюся женщину, утолял плотский голод, а потом или давал ей еды, или направлял её на легкие, «блатные» работы. И он, и женщина оставались довольными. У него тоже, конечно, случались небольшие романы с женщинами, все мы смертные, но они надолго не затягивались.

А эта девчонка поставила его в тупик.

Завалить её на деревянной лавочке? Виктор не хотел этого! Не хотел! Слишком пошло и вульгарно. Слишком обычно.

Она стояла перед ним в нерешительности. Её тонкие руки висели вдоль тела и трепали концы телогрейки. Она ждала от него дальнейших действий, а их не было. И это накаляло атмосферу. Чего ждет начальник? Почему так пристально смотрит, точно пытаюсь рассмотреть в ней нечто, только им искомое? Ирине стало не по себе. А, может, она ошиблась, и её привели сюда не за этим? Тогда зачем?

– Пошли, – определившись, сказал Бехтерев. Нечего здесь больше думать и ломать голову. В конце концов, раз в жизни он может поступить так, как подсказывает ему сердце? Он тоже не железный! И пусть только кто-то попробует его осудить или попрекнуть!

Ирина не поняла его и сделала шаг в сторону лавочки, но заметила, как начальник отрицательно покачал головой. Он подошёл к ней, а потом молча указал рукой на дверь.

Ирина ничего не понимала, но подчинилась. Начальник оказался с причудами. Что ж, ей следует привыкать.

Но как, скажите, как можно привыкнуть, когда сердце, молодое не любившее сердце, отчаянно стучит в груди от страха и неизвестности? Она почувствовала, как в груди зарождается паника. Ирина вспомнила, с каким обреченным спокойствием приняла известие об аресте, и когда шла на допрос, тоже не особо паниковала, а тут... Молчаливый командир пугал её.

Но она ещё больше удивилась, когда поняла, что он привел её к себе в дом.

Дом был с большим резным крыльцом, добротный, даже неопытному глазу было понятно, что строили на долгие годы, или, как говорили в народе «для себя». Бехтерев прошел по прихожей, гулко стуча каблуками сапог. Двери он не запирает, да и от кого прятать те немногие богатства, что он нажил?

– Мне нужна в доме хозяйка, – так же неожиданно сказал Виктор. – Я хочу, чтобы ты занялась этим. Будешь следить за порядком в доме. Сейчас пойдем на кухню, я не ужинал.

Для него в тот момент, это решение показалось самым наилучшим. И он не подозревал, что оно окажется роковым в его судьбе.

Если сказать, что Ирина была удивлена, то, значит, не сказать ничего. Она вскинула голову и нелепо заморгала глазами, но тотчас опустила голову, чтобы Бехтерев ничего не заметил. Она с трудом верила в подобную удачу. Неужели судьба сжалась над ней? Хотя, кто знает, это только начало...

Она проследовала за хозяином дома. И ещё не подозревала, какие сюрпризы её ожидали впереди.

На дымок, поднимающийся от тарелки с супом, Ирина смотрела, как на невиданное чудо. Она быстро освоилась на чужой кухне, и уже через пару минут разогрела суп, резала мягкий

хлеб и накрывала на стол. Бехтерев успел переодеться в домашние штаны и чувствовал себя более уютно.

Итак, у него теперь есть домработница. Отлично, просто превосходно. Что дальше, товарищ начальник? Какие безумства последуют следующими?

Ирина не поднимала головы и старалась не смотреть на него. Она действовала быстро и непринужденно. Если бы она начала с ним кокетничать, заигрывать, Виктор тотчас отправил её назад, предварительно удовлетворив желание, которое, точно ненасытный зверь, терзало его с того момента, как они пришли в дом. Ему хотелось немедленно на неё наброситься, но он сдерживался. В Акимчевой было слишком много плотского. Девчонка молода, и не понимает своей женской сущности, не знает, какие желания пробуждают её лицо и тело.

Она создана для страсти.

– Всё, ужин готов, – сказала она.

– Наливай себе и садись, – коротко распорядился Виктор. Не хватало ещё, чтобы она жадно смотрела, как он ест. Ирина ещё не могла знать в полной мере, что такое голод. И пока он не позволит, чтобы узнала.

У неё дрогнула рука, когда она стала брать вторую тарелку. И деревянный стул она отодвинула слишком громко.

Виктора начинало тяготить постоянное молчание. И кто сказал, что все женщины болтливы? Акимчева должна была к этому времени понять, что бояться ей за свою дальнейшую судьбу нечего, что она будет сыта и обогрета, так почему девчонка не расслабиться? Почему по-прежнему напряжена, точно тетива?

Или его боится?

– Ты в этом году окончила школу? – он решил нарушить молчание.

– Да.

– Хорошо училась?

– Да. Без троек.

– В институт не поступала?

– Нет.

Проклятье!

Виктор чувствовал себя последним дураком. И что он возиться с девчонкой? Да, красива, да, желанна, но сколько их таких....

– А как вас зовут? – вопрос Ирины прозвучал тихо, почти шепотом, и Виктор с трудом его расслышал. А когда расслышал, то едва не подавился похлебкой.

Вот те раз....

– Виктор.

– Виктор...? А отчество?

– Данилович.

– Виктор Данилович, а жить я буду здесь? У вас? – любопытство, наконец, взяло верх, и Ирина начала проявлять инициативу. Если она и дальше будет молчать, но ничего толкового для себя не прояснит. А ей необходимо было сориентироваться в обстановке.

– Да, в барак ты не вернешься, – Виктор хотел добавить, что она может его звать просто Виктором, но в последний момент передумал. Нет, для такой фривольности время ещё не пришло. Годы службы научили его осторожно относиться ко всему. Даже к личной жизни. – Чуть позже я покажу тебе комнату, в которой ты будешь жить, и расскажу о твоих обязанностях. Надеюсь, ты быстро во всем разберешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.